

М.М. Филиппов

**М. Д. Скобелев. Его жизнь и
военная деятельность**

Биографический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
М11

М.М. Филиппов
М11 М. Д. Скобелев. Его жизнь и военная деятельность: Биографический очерк /
М.М. Филиппов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 98 с.

ISBN 978-5-458-06495-8

Биографическая библиотека Ф.Павленкова - жизнь замечательных людей.
С портретом Скобелева, гравированным в Петербурге К.Адтом.

ISBN 978-5-458-06495-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	4
I. Родословная.—Дѣтство.—Первые учителя.—Боевое крещеніе.—Практическое испытаніе.—Загадочная рекогносцировка.—Первые походы.—Интриги противъ Скобелева въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ.—Хивинскій и Боканскій походы	5
II. Начало турецкой войны.—Переходъ чрезъ Дунай.—Отвага Скобелева.—Удачи и неудачи	17
III. Ловча и третья Плевна	25
IV. Плевненское сидѣніе.—Тотлебенъ и Скобелевъ.—Паденіе Плевны.—Зимній переходъ чрезъ Балканы.—Имитли, Шейново, Шипка.—Набѣгъ на Андранополь.—Конецъ войны.—Взглядъ Скобелева на восточный вопросъ.—Досугъ и дѣло въ мирное время	39
V. Ахаль-Текинская экспедиція.—Вѣсть объ убійствѣ матери Скобелева.—Штурмъ Геокъ-Тепе	64
VI. Взгляды Скобелева на войну и военное дѣло.—Его политическія теоріи и увлеченія	73
VII. Скобелевъ, какъ полководецъ и администраторъ	78
VIII. Политическія рѣчи Скобелева.—Его смерть	84

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Скобелева принадлежит такому недавнему прошлому, что написать сколько-нибудь полную біографію этого замѣчательнаго челоука невозможно, не только по недостатку матеріала, но и по той причинѣ, что многого еще *нельзя писать*.

Кромѣ вполне заслуживающихъ довѣрія печатныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ укажу на труды Гродекова, Куропаткина и Маслова, мнѣ поневолѣ пришлось пользоваться и такими воспоминаніями и записками, къ которымъ необходимо отнести съ величайшей осторожностью. Это однако не относится къ «Воспоминаніямъ» Дукмасова, поразительно наивнымъ и въ то же время необыкновенно правдивымъ, а также къ вполне безпристрастнымъ «Воспоминаніямъ» д-ра Гейфельдера. Изъ корреспондентовъ наибольшаго довѣрія заслуживаетъ Макъ-Гаханъ. Значительно тенденціознѣе корреспонденціи, помѣщавшіяся въ газетѣ «Голось» и многихъ другихъ газетахъ, и не всегда точны «Воспоминанія» знаменитаго художника В. В. Верещагина, который пишетъ впрочемъ въ одномъ и томъ же духѣ и о Скобелевѣ, и о себѣ самомъ, и сообщаетъ нѣкоторыя несомнѣнно важныя свѣдѣнія. Гораздо меньше значенія имѣютъ рассказы Немировича-Данченки и В. Крестовскаго, въ которыхъ фантазія слишкомъ часто дополняетъ дѣйствительность. Множество матеріаловъ разсѣяно въ «Военномъ Сборникѣ» (статьи Колокольцева, Черняка, Демурова, Гершельмана) и въ «Русской Старинѣ» (кромѣ записокъ Верещагина, здѣсь находятся статьи Арцишевскаго, Гейфельдера и Панюткина, а также «Путешествіе» Мозера). Въ «Истор. Вѣстн.» за 1882 годъ помѣщены важныя посмертныя бумаги Скобелева. Книжечка г-жи Адавъ «Skobeleff» содержитъ любопытныя данныя о встрѣчахъ автора съ Скобелевымъ. Укажу еще на работы Гейнса, Туганъ-Мирзы Барановскаго, на дѣльныя компіляціи Чапцова и Кашкарова, на сборникъ «Военныхъ разказовъ», изданный кн. Мещерскимъ, и наконецъ на массу статей въ различныхъ газетахъ и журналахъ за 1882 годъ (годъ смерти Скобелева).

I.

Родословная.—Дѣтство.—Первые учителя.—Боевое крещеніе.—Практическое испытаніе.—Загадочная рекогносцировка.—Первые походы.—Интриги противъ Скобелева въ Ташкентъ и въ Петербургъ.—Хивинскій и Коканскій походы.

Родословная Скобелева можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ: она начинается съ скромнаго однодворца Никиты, который въ концѣ прошлаго столѣтія дослужился до сержанта. Такимъ образомъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, принадлежавшій по воспитанію, по привычкамъ, по родственнымъ связямъ къ высшему аристократическому обществу, въ то же время могъ бы сказать о себѣ словами поэта: «я—просто русскій мѣщанинъ». Впрочемъ семейныя преданія Скобелевыхъ гласятъ, что ихъ дальніе предки были дворяне; при московскихъ царяхъ и при Петрѣ Великомъ они, какъ говорилось въ то время, сказывались въ нѣтяхъ, т. е. бѣжали отъ военной службы, а потому захудали и перестали считаться дворянами. Названный однодворецъ Никита вышелъ въ люди, женившись на дворянкѣ изъ хорошей фамиліи—Татьянѣ Уваровой и получивъ за ней недвижимое имѣніе. Одинъ изъ сыновей этого Никиты, Иванъ, дѣдъ Михаила Дмитріевича, былъ извѣстный безрукій генераль, отличавшійся въ войну 1812 году. Иванъ Никитичъ былъ шефомъ Рязанскаго полка, комендантомъ петербургской крѣпости и сверхъ всего этого писателемъ: писалъ онъ разсказы и драматическія сочиненія, пользовавшіяся успѣхомъ, особенно среди военныхъ. Знаменитый внукъ повидимому во многомъ походилъ на дѣда, отличаясь еще болѣе выдающимися военными талантами и еще большимъ непостоянствомъ относительно женщинъ. Любопытное совпа-

деніе: внукъ, подобно дѣду, развелся съ своей женой. Дѣдъ успѣлъ жениться вторично, отъ второй жены имѣлъ кучу дѣтей; одинъ изъ его сыновей женился на Ольгѣ Николаевнѣ Полтавцевой и имѣлъ отъ нея трехъ дочерей и сына Михаила. Сестры и тетки (по матери) Михаила Дмитріевича вступили въ брачныя союзы съ представителями различныхъ аристократическихъ фамилій; самъ Скобелевъ былъ женатъ на княгинѣ М. И. Гагариной, но развелся съ нею и умеръ бездѣтнымъ. Со смертію Скобелева родъ его въ мужской линіи прекратился ¹⁾.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ 17-го сентября 1843 г. О своемъ дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи онъ самъ нерѣдко разсказывалъ друзьямъ и знакомымъ, обрисовывая первыя впечатлѣнія дѣтства далеко не въ привлекательномъ видѣ. Извѣстно, что въ первой половинѣ нашего вѣка воспитаніе молодыхъ дворянъ сплошь и рядомъ находилось въ рукахъ невѣжественныхъ гувернеровъ, большей частью изъ нѣмцевъ. Если тогда уже вывелись гувернеры вродѣ описаннаго Фонвизинимъ Вральмана и бѣглецы каторжники, обучавшіе дѣтей, о чемъ можно прочесть въ запискахъ Болотова и Державина, то во всякомъ случаѣ многіе изъ гувернеровъ въ началѣ сороковыхъ годовъ недалеко ушли отъ этихъ Вральмановъ. Отецъ Скобелева былъ человѣкъ старыхъ порядковъ. Вѣдуявъ воспитать сына какъ можно болѣе сурово, онъ нанялъ гувернера-нѣмца, которому предоставилъ неограниченную власть надъ мальчикомъ. Нѣмецъ оказался не только строгимъ, но и свирѣпымъ. За малѣйшую ошибку при вызубриваньи нѣмецкихъ вокабулъ, за всякую дѣтскую шалость гувернеръ жестоко сѣкъ мальчика прутомъ. Въ этомъ воспитаніи слѣдуетъ видѣть чуть ли не первый зародышъ позднѣйшей нелюбви Скобелева къ нѣмцамъ. Скобелевъ съ дѣтства обладалъ независимой, пылкой и живой натурой; втеченіи долгаго времени онъ былъ вынужденъ, скрѣпя сердце, терпѣть подобное обращеніе. Въ его характерѣ развились скрытность и мстительность. Нѣмецъ-гувернеръ влюбился въ какую-то особу и сталъ дѣлать къ ней частыя визиты. Отправляясь къ розлюбленной, гувернеръ всегда надѣвалъ фракъ, цилиндръ

¹⁾ Тетки Скобелева вышли замужъ: одна—за графа Адлерберга, другая—за графа Баранова; изъ сестеръ его старшая вышла за князя Вѣлосельскаго-Вѣлосерскаго, средняя—за Шереметева, а младш. я— за Евгевія Максимиліановича Лейхтенбергскаго

и новыя перчатки. Мальчикъ подмѣтилъ это и отомстилъ нѣмцу по своему. Онъ подкрался къ комнатѣ, куда долженъ былъ войти гувернеръ, вымазалъ ручку двери ваксой и потомъ съ наслажденіемъ подглядывалъ, какъ щеголеватый нѣмецъ перепачкалъ свои перчатки. Изъ всѣхъ уроковъ гувернера на мальчика повліяли главнымъ образомъ его интрижки. Двѣнадцатилѣтній Скобелевъ, въ свою очередь, вообразилъ себя влюбленнымъ въ дѣвочку своего возраста. Онъ совершалъ прогулки верхомъ рядомъ со своей воображаемой невѣстой. Однажды, когда эта дѣвочка гостила у Скобелевыхъ, гувернеръ при ней выбранилъ питомца, Скобелевъ что-то отвѣтилъ. Взбѣшенный гувернеръ ударилъ мальчика по лицу. Тутъ случилось нѣчто непредвидѣнное. Скобелевъ, до-сихъ-поръ мстившій только исподтишка, не вынесъ обиды и, въ присутствіи своей возлюбленной, сначала плюнулъ нѣмцу въ лицо, затѣмъ отвѣтилъ ему, въ свою очередь, пощечиной. Ошалѣвшій нѣмецъ побѣждалъ жаловаться. Но этотъ смѣлый поступокъ мальчика рѣшилъ дальнѣйшее направленіе его воспитанія въ болѣе благопріятномъ смыслѣ. Отецъ понялъ, что нѣмецъ довелъ сына до отчаянія; онъ рассчиталъ гувернера и отдалъ мальчика на воспитаніе французу Дезидерію Жирардѣ, имѣвшему пансіонъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ съ ранняго дѣтства Скобелевъ успѣлъ возненавидѣть нѣмцевъ и затѣмъ попалъ подъ чисто-французское вліяніе. Хотя въ то время національная вражда между французами и нѣмцами не достигала и сотой доли той, каковая появилась послѣ франко-прусской войны, но эти вліянія дѣтства достаточно подготовили позднѣйшія національныя симпатіи и антипатіи, отличавшія Скобелева въ зрѣломъ возрастѣ. Въ лицѣ Жирардѣ Скобелевъ, по общимъ отзывамъ, встрѣтилъ воспитателя образованнаго, человѣчнаго и честнаго, притомъ искренне привязавшагося къ своему питомцу. Жирардѣ послѣдовалъ за Скобелевымъ въ Россію, не разлучался съ нимъ даже во время военныхъ дѣйствій, былъ его лучшимъ наставникомъ и другомъ, провожалъ Скобелева и во время его послѣдней поѣздки за-границу. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни Скобелевъ совѣтовался съ Жирардѣ; это была его самая искренняя привязанность.

Преувеличивать вліяніе Жирардѣ на Скобелева конечно не слѣдуетъ. Быть можетъ и справедливо, что Жирардѣ болѣе всего старался развитъ въ своемъ питомцѣ «религію долга»; но есть основанія утверждать, что Скобелевъ былъ обязанъ прежде всего самому себѣ и что много поработалъ надъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ. Нельзя конечно принять и другого крайняго мнѣнія,

высказаннаго извѣстнымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ, который въ своихъ запискахъ о Скобелевѣ увѣряетъ, что даже на двадцать-седьмомъ году жизни Михаилъ Дмитріевичъ былъ юношей чрезвычайно нетвердыхъ правилъ и не обладалъ будто бы даже простѣйшими понятіями о военной честности, а потомъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ развилъ это все въ себѣ собственными усилиями¹⁾. Истина находится въ этомъ случаѣ посерединѣ. Пройдя школу Жи-рардѣ, Скобелевъ былъ конечно далекъ отъ нравственнаго совершенства и отъ отвлеченнаго преклоненія передъ долгомъ; онъ былъ просто неустановившимся юношей, во многомъ сходнымъ съ представителями такъ называемой золотой молодежи, но съ тѣмъ отличіемъ, что еще въ тѣ годы выказывалъ необыкновенныя способности и ту своеобразность ума и чувства, которая отличаетъ генія отъ sogni блестящихъ, но неглубокихъ талантовъ.

По желанію родителей, Скобелевъ по окончаніи ученія у Жи-рардѣ возвратился въ Россію для дальнѣйшаго продолженія образованія. Онъ поступилъ (въ 1861 г.) на математическій факультетъ петербургскаго университета. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Скобелевъ учился здѣсь не съ большой охотой: его тянуло къ военной службѣ, и онъ съ завистью смотрѣлъ на сверстниковъ, уже заслужившихъ зполеты. Вскорѣ въ университетѣ вспыхнули извѣстные студенческіе беспорядки, повлекшіе за собою временное его закрытіе; это было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Скобелева. Путь университетскаго образованія былъ для него навсегда отрѣзанъ. Оставивъ университетъ, Скобелевъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и въ 1863 г., какъ разъ въ началѣ польскаго возстанія, былъ произведенъ въ корнеты. Сгорая нетерпѣніемъ пойти на войну, Скобелевъ сталъ хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ. Въ битвѣ подъ Мѣховымъ Скобелевъ получилъ такъ называемое боевое крещеніе. Втеченіи всей польской кампаніи Скобелевъ велъ себя такъ, что его военныя способности тогда уже обратили на себя вниманіе и товарищей, и начальниковъ.

Возвратившись въ Петербургъ, Скобелевъ пожелалъ достигъ высшаго военнаго образованія и поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Подготовка его была найдена блестя-

¹⁾ Вообще записки Верещагина о Скобелевѣ, представляя драгоцѣнный сырой матеріалъ, требуютъ строгаго критическаго отношенія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ, вмѣсто фактовъ, приводитъ свои догадки и мнѣнія.

щей, способности—отличными; но во время пребыванія Скобелева въ академіи о немъ составились разныя мнѣнія. Товарищи цѣнили его; начальство считало Скобелева способнымъ, но лѣнливымъ.

На самомъ дѣлѣ Скобелевъ, подобно большинству замѣчательныхъ людей, не подходилъ подъ общую мѣрку. Онъ занимался съ упоеніемъ тѣмъ, что его привлекало, и часто пренебрегалъ тѣмъ, чего требовала школьная рутина. Нерѣдко Скобелевъ, собравъ вокругъ себя товарищей, читалъ имъ какую-нибудь записку своего сочиненія, касавшуюся походовъ Наполеона или какого-либо событія изъ русской военной исторіи. Это чтеніе всегда приводило товарищей въ восторгъ, вызывало оживленные споры и разсужденія. Не смотря на то, что Скобелевъ читалъ массу книгъ, начальство было увѣрено, что онъ ровно ничего не дѣлаетъ; на экзаменахъ онъ отвѣчалъ плохо и вышелъ по второму разряду. Разсказываютъ, что только случай рѣшилъ зачисленіе Скобелева въ генеральный штабъ. Послѣ экзаменовъ по теоріи были заданы по обыкновенію практическія испытанія. Подъ впечатлѣніемъ недавнихъ польскихъ событій, были избраны темой съемки и рекогносцировки въ сѣверо-западномъ краѣ. Скобелеву было задано отыскать наиболѣе удобный пунктъ для переправы кавалерійскаго отряда черезъ Нѣманъ. Когда явилась повѣрочная коммиссія, въ которой участвовалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ теоретиковъ, профессоръ академіи, впоследствии генераль Лееръ, то къ немалому изумленію членовъ коммиссіи оказалось, что Скобелевъ провелъ все назначенное время на одномъ и томъ же пунктѣ. Когда ему были предложены вопросы, Скобелевъ, вмѣсто отвѣта, вскочилъ на коня, ободрилъ его плетью, прямо съ мѣста бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца. Ученый теоретикъ Лееръ, приведенный въ восторгъ такимъ практическимъ рѣшеніемъ задачи, настоялъ на томъ, чтобы Скобелева зачислили въ генеральный штабъ.

Скобелевъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая ознакомиться съ практикой войны не по книгамъ, а на дѣлѣ. За отсутствіемъ русскихъ войскъ, онъ старался присмотрѣться къ военнымъ дѣйствіямъ западныхъ державъ. Въ 1864 году, во время датской кампаніи, Скобелевъ испросилъ заграничный отпускъ, и ему удалось посѣтить театръ войны.

Вслѣдъ затѣмъ Скобелевъ былъ назначенъ на службу въ Туркестанъ. Онъ принималъ участіе въ несомнѣнно удачной экспедиціи генерала Абрамова на бухарской границѣ и успѣлъ ознакомиться съ азіатскими способами веденія войны. Въ 1870 году Ско-

белевъ получилъ назначеніе на Кавказъ, потомъ состоялъ при полковникѣ Столѣтовѣ въ Закаспійскомъ краѣ. Къ этому времени относится загадочное происшествіе, поведшее къ столкновенію Скобелева съ начальствомъ. Суть дѣла въ томъ, что Скобелевъ произвелъ скрытую рекогносцировку къ Саракамышу, не входившую въ виды и расчеты кавказскаго штаба. За этотъ самовольный поступокъ онъ былъ отосланъ обратно въ Петербургъ.

Полное разъясненіе этого событія невозможно въ настоящее время, за недостаткомъ официальныхъ документовъ, къ нему относящихся. Приходится довольствоваться разсказами, очевидно не точными и быть можетъ пристрастными. Замѣчательно, что близкій пріятель Скобелева, В. В. Верещагинъ, говоритъ объ этомъ эпизодѣ очевидно не со словъ самого Скобелева, но подъ впечатлѣніемъ разсказовъ его бывшихъ начальниковъ. Между тѣмъ изъ всего этого дѣла и даже изъ разсказа Верещагина очевидно, что начальство Скобелева относилось въ то время къ молодому капитану генеральнаго штаба далеко не дружелюбно. На него смотрѣли, какъ на петербургскаго выскочку, пріѣхавшаго поучать людей старыхъ и опытныхъ. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ фактовъ и слуховъ, плагаемыхъ Верещагинымъ. Самъ художникъ, безъ сомнѣнія, слышалъ въ то время такъ много дурнаго о Скобелевѣ, что поддавался общему мнѣнію. Вотъ что повѣствуетъ г. Верещагинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Верещагинъ познакомился со Скобелевымъ въ 1870 году въ единственномъ ресторанѣ города Ташкента. До того времени художникъ ничего не зналъ ни объ отцѣ Скобелева, ни о немъ самомъ, но много слышалъ о его извѣстномъ дѣдѣ—безрукомъ генералѣ. Дальше пусть разсказываетъ самъ г. Верещагинъ.

«Нѣкто Жирандэ, очень милый французъ, учившій дѣтей тогдашняго генераль-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, стройнаго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника Скобелева.—Я пожалъ руку офицера, почтительно поклонившагося... Фигура юнаго Скобелева была такъ привлекательна, что нельзя было отвести отъ нему безъ симпатіи, не смотря на то, что исторія, висѣвшая на его шеѣ, была самаго некрасиваго свойства. Дѣло въ томъ, что, возвратившись изъ рекогносцировки на бухарской границѣ, онъ донесъ о множествѣ разбитыхъ и побитыхъ бухарскихъ разбойниковъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало (?), какъ оказалось, и которые были имъ просто сочинены для реляціи».

Спрашивается, чей же авторитетъ противопоставляетъ г. Верещагинъ реляціи Скобелева, и на чемъ основывалось начальство, не

повѣрившее этой реляціи? Оказывается, что довѣріе къ донесенію Скобелева поколебалъ уральскій казакъ, имѣвшій поводъ для личной мести Скобелеву. По скверной привычкѣ, до сихъ поръ еще кое-гдѣ существующей,—привычкѣ, которую въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ Скобелевъ осуждалъ самымъ безпощаднымъ образомъ, юный штабъ-ротмистръ, какъ его называетъ Верещагинъ, какъ-то въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ казаковъ. Ему стало тотчасъ стыдно, и онъ при первомъ удобномъ случаѣ представилъ казака въ урядники. Но уралецъ «дворянинъ», какъ они себя величаютъ, не удовольствовался этимъ, а сталъ всячески пакостить Скобелеву и всюду громко говорилъ, что «офицеръ сочинилъ отъ начала до конца всю исторію о разбойникахъ».

Но до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены болѣе убѣдительныя доказательства лживости донесенія, составленнаго Скобелевымъ, мы не видимъ никакого основанія вѣрить метательному казаку.

Такъ или иначе, но изъ этого дѣла вышелъ крупный скандалъ. Двое офицеровъ изъ ташкентской золотой молодежи, кирасиръ Г. (сынъ извѣстнаго генерала Г., трагически погибшаго въ Варшавѣ) и П. (адъютантъ генераль-губернатора), поссорились съ Скобелевымъ, который настаивалъ на своемъ, рѣзко осуждая низшихъ и высшихъ офицеровъ, вѣрившихъ на слово не ему, а казаку.

Оба офицера вызвали Скобелева на дуэль. Верещагинъ рассказываетъ эту исторію, становясь на сторону противниковъ Скобелева. Но все-таки онъ просилъ этихъ послѣднихъ «пощадить малаго», какъ онъ снисходительно отзывался о Скобелевѣ. Просьба оказалась неумѣстной. Во время дуэли Скобелевъ обнаружилъ мужество и хладнокровіе, и одинъ изъ противниковъ, адъютантъ, послѣ дуэли пожалъ ему руку; другой былъ опасно раненъ Скобелевымъ. Тогда генераль-губернаторъ счелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло. Экстренно созвавъ офицеровъ въ большой залъ своего дома, генераль Кауфманъ при всѣхъ жестоко распекъ Скобелева. Верещагинъ увѣрялъ, что послѣ этого внушенія на Скобелева всѣ смотрѣли какъ на человѣка, осрамленнаго и ошельмованнаго. Ему оставалось только уѣхать въ Петербургъ, гдѣ Скобелевъ былъ привлеченъ къ участию въ занятіяхъ военно-ученаго комитета; затѣмъ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 22 пѣхотной дивизіи. Несмотря на все, способности Скобелева слишкомъ заявляли о себѣ, и съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Хивѣ и Кокандѣ мы видимъ его опять въ Средней Азій.

Свѣдѣнія о первыхъ походахъ Скобелева въ Азію находятсѣ

между прочимъ въ извѣстной книгѣ Макъ-Гахана, и этотъ корреспондентъ отличается безпристрастіемъ и точностью, заставляющей насъ предпочитать его показанія отрывочному и не всегда безпристрастному изложенію Верещагина. Разсказъ о хивинскихъ подвигахъ Скобелева мы приведемъ главнымъ образомъ со словъ Макъ-Гахана.

Еще казацкіе атаманы пытались завоевать Хиву. Затѣмъ со времени Петра Великаго были предприняты рядъ экспедицій, большей частью крайне неудачныхъ. Снаряженная генераломъ Кауфманомъ экспедиція была по счету шестая. Четыре отряда были двинуты различными путями; въ одномъ изъ нихъ, находившемся подъ начальствомъ полковника Ломакина, находился и полковникъ Скобелевъ. Переходъ оказался необычайно труднымъ. Изъ четырехъ отрядовъ одинъ, подъ начальствомъ Маркозова, совсѣмъ не достигъ мѣста назначенія. Отрядъ Ломакина дошелъ 2 мая до Кизиль-Агира, а такъ какъ на слѣдующій день надѣялись дойти къ самымъ границамъ Хивы, то созванъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено было выслать впередъ къ озеру Айбугиру авангардъ подъ начальствомъ Скобелева, что и было немедленно приведено въ исполненіе. Но 4 мая были получены извѣстія, измѣнявшія весь этотъ планъ. Ломакинъ получилъ инструкціи идти не на югъ, а на сѣверъ, чтобы сойтись съ оренбургскимъ отрядомъ. Ломакинъ послалъ воротить Скобелева; но Скобелевъ получилъ приказъ слишкомъ поздно. Онъ исполнилъ порученіе Ломакина раньше, чѣмъ рассчитывали, и 5 мая имѣлъ уже схватку съ большимъ туркменскимъ отрядомъ. Туркмены эти направлялись въ Хиву съ большимъ караваномъ. Въ завязавшемся бою нѣсколько туркменъ было убито и захвачены полтораста верблюдовъ со множествомъ припасовъ. Зато самъ Скобелевъ, другой офицеръ и нѣсколько казаковъ были ранены.

28 мая произошелъ штурмъ самой Хивы. Объ этомъ штурмѣ Верещагинъ разсказываетъ очевидно со словъ лицъ, приближенныхъ къ Кауфману, утверждая, что Скобелевъ снова сдѣлалъ промахъ, не такой прavadь большой, какъ въ 1870 году, т. е. въ исторіи съ бухарскими разбойниками, «но и не малый». По словамъ Верещагина:

«Скобелевъ повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы съ одной стороны въ то самое время, какъ съ другой городская депутація выходила съ хлѣбомъ-солью для выраженія командующему войсками полной и безусловной покорности. Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ, что, зная уже о сдачѣ города и готовясь вѣхать въ него, онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и крики «ура», — словомъ, настоящий штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и Ш.»